

Кир Булычѐв

ПЕРПЕНДИКУЛЯРНЫЙ МИР

Повесть и рассказы

Рисунки Виктора Минеева

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2019

САПОЖНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Если ловить рыбу, осушив поток, улов будет богатым, но на следующий год рыба исчезнет. Если охотиться, выжигая леса, добыча будет обильной, но на следующий год дичи не станет.

«Весна и осень Люя»

Китай, III в. до н. э.

Долгие годы в городе Великий Гуслияр был только один ресторан — при гостинице. Он пользовался сомнительной славой, потому что туда, как бывает в небольших провинциальных городах, никто не ходил питаться, а ходили гулять. Правда, порой белыми воронами возникали в нём гостиничные постояльцы. Они хотели кефира и яичницы. Они получали бифштекс и сто граммов коньяка.

Два года назад положение изменилось, потому что открылся новый ресторан, ресторан-баржа, при общежитии для туристов. У ресторана было игривое название «Гусь лапчатый», и он был оформлен в русском стиле. На стенах трюма висели прялки, грабли и чеканенные по меди домашние животные. Здесь туристов кормили комплексными обедами, в днище баржи стучала вода, и, если поднимался ветер, баржу слегка покачивало. За рекой начинались дремучие леса — место было романтическое, и там можно было проводить время, а не только гулять.

Сюда директор кожевенного завода пригласил милого, ещё молодого, склонного к полноте и романтике Мирона Ивановича, городского архитектора, на обед. Обед должен был быть приятным, но деловым, а дело было деликатным. Завод строил корпус заводоуправления, рядом положено быть проходной и стоянке для машин.

На месте предполагаемой стоянки и проходной торчала и всем мешала старая развалюха-часовня, которую занимала сапожная мастерская. Часовню надо было снести, но мешала общественность во главе с Еленой Сергеевной, директоршей городского музея. Сейчас директорша уехала в отпуск, и надо было снести развалюху, пока она не вернулась.

— Я же не против. — Мирон Иванович и не скрывал своей позиции. — Часовня вылезает на мостовую, мешает движению.

— Не только мешает, а нарушает, — говорил директор завода, сводя к переносице схожие с чёрными мохнатыми гусеницами брови. — Нарушает общий вид твоего проекта. Ну представь себе, ты же творческий человек, что останется от лица, если она будет высовываться? Ты кушай рыбку, Мирон, хорошая рыбка. Ничего, что я с тобой попросту?

Завод был намерен построить два типовых дома. Мирон Иванович привязывал их к местности и рассчитывал на квартиру в одном из них. Житейская история. И часовня была обречена, ничто её уже не могло спасти.

Есть маленький город, в нём относительно крупный завод, городу завод нужен. К тому же эстетический момент тоже играл роль — городу хотелось иметь новое здание из стекла и сборного железобетона.

— Спасибо, рыбка вкусная, — отвечал Мирон Иванович. — Архитектурной ценности часовня не представляет. Я осматривал.

— Видишь, даже осмотрел, — сказал заместитель директора, при первом же взгляде на которого было ясно, что он шалун и страстный рыбак. — Значит, проявил ответственность. А что ты завтра делаешь, в субботу?

— Не планировал, — ответил Мирон Иванович.

— Завтра нас Степанцев на рыбалку зовёт. Присоединишься?

— Вы меня поняли?

— Я вас понял. Пускай стоит.

— Значит, вы ничего не поняли. Вы отлично знаете, что в понедельник, пользуясь вашим потворством, директор завода часовню снесёт. А вы потом, когда придет Елена Сергеевна или когда к вам прибегут возмущённые пенсионеры, разведёте руками и будете отчаянно доказывать, что часовни и не было, а если была, то никому не нужна.

— Не было? А может, мальчика и не было? — Мирону Ивановичу эта мысль понравилась. Он даже засмеялся. — А Елену Сергеевну вы тоже знаете? Чудесная женщина. Такая патриотка, а стоит на пути прогресса. На пенсию ей пора.

Они вышли на замощённую часть набережной. Одноэтажные домики, глядевшие на речку маленькими, светящимися голубым телевизионным светом глазками, кончились. Пошли дома каменные, двухэтажные. Пока они ещё стояли редко, потеснее они столпятся у центра, за гостиными рядами. С речки тянуло холодком, комары не приставали, набережная была совсем пустой, никто не гулял, потому что по телевизору показывали третью серию французского фильма о любовных связях Берлиоза.

Они миновали церковь Святого Духа, повернули на Гоголевскую улицу. И тогда Мирон Иванович понял, что гуляют они не без цели, а приближаются к часовне. Ему показалось, что приход сюда был его инициативой, и потому он сказал:

— Вот о ней мы и спорили. Никакой ценности, а углом вылезает на улицу.

Купол часовни давно исчез, она была крыта двускатной железной крышей и покрашена в жёлтый казённый цвет. Над дверью, сохранившей ещё следы лепнины, была прибита вывеска: «Мастерская по ремонту обуви». А по сторонам двери у маленьких окошек были прикреплены щиты с изображением всяких видов обуви и написано: «Ремонт срочный и в течение недели». Часовня вылезала углом на проезжую часть, потому что строилась она, когда улица была куда уже. За часовней начинался забор — там была строительная площадка заводоуправления. Фонарь, горевший на вершине крана, казался звёздочкой.

Тут я увидел, как рассказ перерастает в повесть с определённым гражданским звучанием. Нет, о повести мы не договаривались. Пускай мотивы останутся нераскрытыми — кто их знает, пришельцев, чего им хочется.

Итак, рассказ готов, осталось пройти рукой мастера по запятым и многоточиям.

А что скажет Лев Христофорович?

Как же я раньше не подумал? Лев Христофорович Минц, великий учёный, временно поселённый мною в городок Великий Гусляр, ещё не знает, что в сутках у спелеонавтов 48 часов. Надо ему срочно сообщить.

...Они пошли к краеведу Сидякину.

Впереди шагал профессор Минц. Замшевый пиджак туго обтягивал его живот, осеннее солнышко игриво отражалось от профессорской лысины. Вторым шёл его сосед Корнелий Удалов, курносый начальник гуслярской стройконторы.

Дом краеведа и фенолога Сидякина ничем бы не отличался от прочих домов на Голубиной улице, если бы не мемориальная доска.

Доска стояла, прислонённая к стене и отделённая от тротуара штакетником. На сером мраморе было выбито золотыми буквами: «В этом доме с 12.01.1878-го по 1 мая 2012 г. проживал выдающийся краевед, почётный гражданин города Великий Гусляр Артемий Сидорович Сидякин».

Сидякин был глубоко убеждён, что судьба не посмеет спорить с мрамором и потому до начала XXI века он обязательно дотянет. Тем более что на самом деле он родился не так давно, а в нашем столетии, сразу после революции.

То место на стене, где доске предстояло висеть, было аккуратно побелено, по углам до половины вкручены латунные толстые болты.

У приоткрытого окна, подсвеченное зубоврачебной яркой лампой, сидело нечто белое и величественное с рыжим котом на коленях. Сидякин редко покидал свой дом — он предпочитал, чтобы к нему приходили за советом. Он так и говорил: «Не имею права покинуть пост, могу понадобиться человеку».

— А результат? — спросил Грубин.

— К счастью, нулевой, — ответил трудный подросток.

— Значит, не хочешь? — Ложкин был огорчён. Он понимал, что силой прибор на Гаврилова не навесить.

Но Грубин знал, что отрицательные натуры склонны к коррупции.

— Мороженого хочешь? — спросил он.

Гаврилов снисходительно улыбнулся. Мороженое он уже перерос, и Грубин это понял.

— А что нужно? — спросил Грубин.

— Кассеты, — ответил Гаврилов.

— Сколько?

— Пять.

— Ты с ума сошёл!

— Две.

— По рукам. Заходи ко мне, установим аппаратуру.

Когда процедура окончилась, Грубин поставил условия:

— Датчики не срывать. Прибор носишь сутки, несмотря на все неудобства. Стараешься перевоспитаться.

— Если будешь себя вести достойно, — сказал Ложкин, — никаких неудобств прибор тебе не причинит.

— Потерпим, — сказал Гаврилов. — Гонорар приличный. Следить за мной будете?

— Ненавязчиво, — сказал Грубин.

— Тогда три кассеты.

— Грабитель! — закричал Ложкин. Но пришлось согласиться.

Гаврилов сообщил, что намерен отправиться в парк на автобусе.

В автобусе он сразу бросился вперёд и занял свободное место.

Тут в проходе возникла старушка с сумкой и медленно пошла вперёд, поглядывая, где сесть. Когда она поравнялась с подростком, тот вдруг подскочил и замер в неудобной позе.

Бабушка сказала спасибо и села, а Коля глазами отыскал наблюдателей, и губы его сложились в обиженной гримасе. Грубин ободряюще улыбнулся подростку, а Ложкин спросил Грубина:

ПЕРПЕНДИКУЛЯРНЫЙ МИР

За десять минут до старта к народу вышел старик Ложкин.

Он был в длинных чёрных трусах и выцветшей розовой футболке с надписью «ЦДКА». В раскинутых руках Ложкин держал плакат с маршрутом. Маршрут меняли каждый день, чтобы было интересно бежать.

Участники пробега сгрудились, разглядывая сегодняшнюю задачу.

Бежать следовало в гору, до парка. Затем — по аллее до статуи девушки с веслом, вокруг летней эстрады, к строительной площадке нового цеха пластиковых игрушек, потом площадью Землепроходцев до пруда-бассейна за церковью Параскевы Пятницы. Финиш — перед городским музеем.

Без пяти восемь грянул духовой оркестр.

Оркестр стоял у самой реки, в начищенных трубах отражались зайчики от утренней ряби. С воды поднялись испуганные утки и понеслись к дальнему берегу.

Две пенсионерки, которые бегать не могли, но хотели участвовать, держали натянутой красную ленточку. Ложкин свернул плакат в трубку, передал его одной из старушек, а сам, приняв у неё мегафон, занял место во главе забега. В задачу Ложкина входил краеведческий комментарий о памятниках архитектуры и истории, которые встретятся на пути.

Отдалённо пробили куранты на пожарной каланче. Старушки опустили ленту, и толпа разноцветно и различно одетых бегунов двинулась в гору, к вековым липам городского парка.

Потом вошёл в круг, нащупал у воротника кнопку на энерготрансляторе и, зажмурившись, нажал на неё.

И тут же его куда-то понесло, закрутило, он потерял равновесие и стал падать, ввинчиваясь в пространство.

На самом же деле он никуда не падал, и если бы случайный прохожий увидел его, то поразился бы полному, средних лет человеку, который отчаянно машет руками, будто идёт по проволоке, но притом не двигается с места. И постепенно растворяется в воздухе.

Когда верчение и дурнота пропали, Удалов открыл глаза.

Путешествие закончилось. А может, и не начиналось. Потому что вокруг стоял такой же тихий лес и точно так же звенел у уха поздний комар.

Потом далеко-далеко закуковала кукушка. Удалов стоял, слушал, сколько лет ему осталось прожить. Получалось тринадцать. Приемлемо. Как раз до пенсии. Откуда-то донеслись выстрелы. Неужели и здесь не истребили браконьеров?

Удалов огляделся, посмотрел, стоят ли ограничители. Ограничителей не было. Земля пустая. А раз сказок и чудес на свете не бывает, значит, Удалов уже в параллельном мире. И надо его тоже пометить ограничителями.

Что Удалов и сделал. И так же, как в своём мире, он засыпал их сухими листьями.

Потом посмотрел на небо. Небо было пасмурным, дождь мог начаться в любую минуту. Куда идти?

«Глупый вопрос, — ответил сам себе Удалов. — Идти надо в город, к себе домой».

Удалов решительно пошёл к шоссе.

Первое различие с собственным миром Удалов заметил на автобусной остановке.

Сама остановка была такая же — бетонная площадка, на ней столб с номером и расписанием. Только столб покосился, а расписание было настолько избито дождями и ветрами, что не разобрёшь, когда ждать автобуса.

Время шло, автобус не появлялся. Мимо проехало несколько машин, но ни одна не остановилась, чтобы подобрать Удалова.

— Ну же! Скорей! Скорей!

Тут дверь всё же распахнулась — не выдержал крючок, и Римма увидела, как её муж пытается себя же, только совершенно голого, поднять на руках, как Атлант Землю.

От неожиданности двойник выпустил Удалова, тот упал в ванну, двойник — на него, а Римма завопила как зарезанная и выпала из ванной на спину — снова в обморок.

Удалов поднялся, скользя по мокрой ванне, потёр ушибленный бок и помог выбраться из ванны своему обалдевшему двойнику.

Тот лишь вздыхал, охал и не мог сказать ни слова.

И тут со двора послышался резкий звук сирены.

— Меня, — сказал двойник, глядя на распростёртое тело жены. — Вызывают. Уже актив начинается, а я здесь.

И в голосе его была полная безнадежность.

Со двора снова донёсся звук сирены.

— А ты пойдёшь, — посоветовал Удалов. — Скажи, что не можешь, жена заболела.

— Да ты что? — удивился двойник. — Меня же вызывают! Я опоздал!

— Ну тогда я скажу, — заявил Удалов.

Двойник повис на нём, как мать, которая не пускает сына на фронт. Волоча двойника на себе, Удалов дошёл до середины комнаты, но тут вспомнил о своём внешнем виде и, сбросив двойника, завернулся в штору — только голова наружу. Высунулся в окно.

Под окном стоял мотоцикл с коляской. В нём капитан Пилипенко. Давил на сигнал.

— Ты чего? — спросил Удалов. — Весь дом перепугаешь.

— Удалов! — ответил Пилипенко. — Личное приказание — тебя на ковёр. Садись в коляску!

— Я не могу, я из ванны! — ответил Удалов. Он почувствовал, что сзади шевелится, вот-вот вылезет на свет двойник, и, не оборачиваясь, оттолкнул его подальше, а сам, сбросив штору, предстал перед капитаном в полной наготе. — Видишь?

— Мне плевать, — ответил Пилипенко. — Если сам не спустишься, под конвоем поведу.

